

РУССКИЙ ЧАСТОКОП

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТКОВ
РУССКИХ ВОИНОВ НАГОЛОВУ РАЗБИЛИ ЦЕЛОЕ
ХАЗАРСКОЕ ВОЙСКО.

Александр Тамоников

Русский частокол

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Русский частокол / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104103-8

На берегу Оки соседствуют три славянских племени. Всякое между ними бывало: и враждовали они между собой, и делили спорные земли, и вместе забавлялись на Ивана Купалу, и воровали друг у друга невест... Но пришла беда – добрались до здешних мест свирепые хазары. И встал вопрос: пропадать соседям поодиночке или сообща дать отпор врагу. Старейшина одного из родов, мудрый Дедил, предлагает объединиться. В первом же бою славяне заманивают передовой отряд хазар в ловушку и уничтожают его. Хвала богам! Но не ведают победители, что в этой схватке погиб любимый сын хазарского кагана. А это значит – жди лютой мести...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104103-8

© Тамоников А. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Тамоников

Русский частокол

© Тамоников А. А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава первая

Ветви векового дуба, мимо которого шла широкая тропа от селения Вабежа к капищу – ритуальному месту рода Кобяк, гнулись от порывов сильного ветра, клонились к земле от дождя. Сверкали молнии, гремел гром. Листву срывало и уносило от леса в поле. Молния ударила в невысокую сосенку, что росла недалеко от дуба, и та вспыхнула свечой яркой, сгорев в мгновение. Прогремел оглушительный гром и – еще удар. На сей раз молния угодила в очищенное от ветвей бревно срубленного дерева. Но бревно не разгорелось – дождь затушил. Небесный огонь приближался к старому дубу, который почитался как символ вечной жизни. Казалось, Сварог, верховный бог славян, вместе с Перуном, богом грома, молнии и ветра, прогневались на дерево и вознамерились изничтожить его.

– Ой, Вавула, боязно мне, – проговорила девушка шестнадцати лет, которую под кустом акации сжимал в объятиях молодец двадцати одного года.

– Ничто, Ведана, побесится Перун да успокоится, охолонится.

– Ох и заругает отец, я же говорила, что к Дарине Перстан пойду, а она рядом живет. Наведается отец туда, а меня нету.

– Куда он пойдет в такую непогоду?

– Может пойти. И чего отвечать?

– Скажи, до грозы на реку наведалась. Искупалась. А потом и ветер поднялся, и гром загремел, и молнии ударили. Под обрывом на берегу и схоронилась.

– Не поверит.

– Но и не прознает, что мы вместе были.

– Это да...

Куст, спасавший поначалу, теперь перестал быть защитой. Набух от воды, проливал ее на укрывшихся под ним. Холщовая рубаха, подпоясанная ремнем, у Вавулы и такая же, только длиннее, ниже колен, украшенная вышивкой по верху горловины, у девушки промокли насквозь. Так же и штаны у парня, и онучи у обоих. Вавула крепче прижал к себе Ведану, так теплее. Сверкнула третья молния, и эта попала в дуб.

Оглушительный гром заставил Вавулу и Ведану пригнуться. Раздался треск, вековое дерево расщепило, как плаху, пополам, от середины пошел вверх огонь, охватил крону, и занялся дуб ярким факелом. И надо же, после этого гроза прекратилась. Тучи скрылись за лесом, ветер стих. Боги сделали свое дело, Перуна, видать, уговорил сын Сварога Дажьбог – Солнца Царь. Потому как появилось светило, и все вокруг заискрилось в его ярких лучах. Только дуб горел.

– К беде то, – воскликнула Ведана.

– Может, и так, а может, и нет, – ответил Вавула, – ты беги оврагом к реке, оттуда к дому своему. А я в свое село проберусь. Мой-то отец тоже, наверное, ищет сына непутевого.

– Почему непутевого? Ты – хороший.

– О том завтра проведаешь. Помни, буду на той стороне реки, где отмель да коса песчаная. Как начнутся огненные игрища, так и буду.

Девушка кивнула и, огибая лесом горящий расщепленный дуб, бросилась в овраг, подобрала подол рубахи. Вавула снял онучи, побежал полем к своему поселению Рубино.

На берегу Оки в этом месте, где были поле и лес поблизости, стояли три села, восточнее более крупное Вабежа, старейшиной которого с момента, как встали здесь люди, пришедшие с земель северных, народ избирал Веденя Кобяка, отца Веданы. Вблизи от него через овраг да небольшие поля, менее версты, село Рубино, там старейшиной был отец Вавулы, Заруба Дедил. Дальше по течению, там, где лес вплотную подходил к обрывистому берегу реки, стояло

третье село, Заледово, где люди избирали старейшиной Тихомира Сергуна. Названия селений привезли с прежних земель, пошто менять то, что утвердилось.

Села представляли собой огороженные где тыном, где плетнем поселения с воротами в ограде – в поле и к реке. На реке плоты, лодки-однодревки – хозяйство рыбаков, а рыбачили почитай все мужики.

Внутри городьбы – жилища рода. Здесь и только начавшиеся появляться рубленые дома с остроконечными крышами и пристройками-клетями, огороженные плетнем, внутри которого – загоны, хлева и полуземлянки с врытыми в землю погребями и даже землянки, что ставили как времянки на земле, где потом возводились дома.

После дождя народ потянулся на улицу. Смотрел в небо, щурясь от солнца.

Дом, где жила семья старейшины, находился недалеко от ворот, ведущих к реке. Оттуда и решил зайти Вавула. Пред тем присел на земляной бугор, обмотал ноги холстом с подошвами, обвязал бечевой. И в онучах двинулся к воротам. Хотел пройти короткой дорогой, да угодил в канаву. Попал в крапиву – обожгла огнем. Там его заметил младший брат Горян, которому недавно исполнилось десять лет:

– Вавула? Ты чего тут? Тебя отец ищет, мама беспокоится.

– Что, брат, зол на меня отец?

– Обещался кнутом угостить, как появишься.

– Вот и иди домой.

– А что делать? Все одно идти.

– Это да, ты же расскажешь, что видел меня.

– Знамо дело, мама молвит, обманывать нехорошо.

– Угу, верно молвит. А ты чего сюда вышел?

– На реку посмотреть. А интересное с другой стороны. Мужики с бабами к большим воротам пошли. Слыхал, вековой дуб опосля грозы горит.

– Да ну? – Вавула сделал вид, что не знает. – То к несчастью.

– Так же и люди молвят. А старец Светозар успокаивает, мол, отгонит зло, коли от деяний Перуна не пострадало капище.

Вавула спросил:

– А оно пострадало?

– Вроде нет. Старики туда пошли, один вернулся, поведал, что там тока мокро от дождя.

– И то добре. А ты не шляйся тут, да к воде не подходи, лучше у дома будь или с ребятней играй.

– Игратья завтра на день Купалы будем.

– Ну, гляди. Отец, молвишь, дома?

– Дома. И мама, и Ерема, и Росана.

Последние были средним братом и младшей сестрой Вавулы.

Он встал, поправил полы на рубахе. Как был мокрым, двинулся к городьбе дома. Там у входа уже стоял отец. С ним соседский мужик, он что-то рассказывал, размахивая руками.

Завидев Вавулу, старейшина рода вывел мужика за городьбу, подошел к сыну:

– И где ты был?

– В лесу, – не моргнув глазом, соврал сын, впрочем, он не врал, был же у леса, можно сказать, в лесу, а то, что не один, отца не касалось.

– В лесу? – удивился Заруба Дедил. – и чего ж ты там делал?

– У меня на охоте у прежнего лука верхний рог обломило, видать, сильно тетиву натянул, вот и искал заготовку для нового.

Отец с недоверием посмотрел на сына:

– Нашел?

– Не-а. На опушке можжевельника нет, а вглубь зайти не успел, началась гроза, мыслил, прибьет еще молния. Разгневался бог Перун не на шутку.

– И где, в каком месте ты был?

– Да недалеко от векового дуба, в который молния попала, под кустом. Вот видишь, промок весь.

– У дуба? Ты видел, как он загорелся?

– Видел, – кивнул Вавула, – тока до того молния сожгла сосенку, подожгла бревно, что мужики там оставили. Бревно дождь погасил, сосенка же сгорела. А потом молния уже в дуб ударила. Но загорелся он не сразу, поначалу расщепило его, и тока потом огонь по дереву от середины, где расщеп, к кроне пошел. И что дивно, отец, как загорелся дуб, так гроза тут же и прекратилась. Через время малое уже солнце светило. Ну я обходами домой.

– Пошто обходами?

– Дабы высохнуть немного под солнцем-то.

Старейшина хмыкнул:

– Хм, вроде не врешь.

Вавула воскликнул:

– А чего мне врать-то? Не дитя уже, не отрок, считай мужик, осталось домой жену привести, да свой дом поднять. Уже двадцать один год.

– Слышал я, Вавула, ты на дочь старейшины рода Кобяка в Вабеже, Ведану, глаз положил?

– А чего? Девка хорошая, статная, красивая, здоровая. И из семьи равной.

– Откель у тебя мысли такие – равной? Али не ведаешь, что старейшину на вече избирают?

– И все одно, главенствует в роду старейшина. Вот и Ведана – дочь старейшины.

– А как же Голуба, дочь гончара Лихаря Рубана? Мы ж с ними о твоей свадьбе договорились. И он согласился, и Голуба.

Вавула понимал, что пойти против воли отца открыто и ныне вызовет только гнев у родителя да упорство, которое уже не сломить, посему схитрил:

– Ну вы ж пока тока договорились. До сватовства дело-то не дошло?

– Умыкнешь ее завтра, и сделано, почитай, дело. Остальное пойдет само собой.

– Ладно, треба умыкнуть невесту, умыкну. А где землю мне община выделит под дом?

– Община и решит, земли свободной на селе много.

– Добре, отец, пойду переоденусь, а то хворь подхвачу и вместо праздника на лаве огненным валяться буду.

– Ступай и – гляди у меня!

– Отец, это ты сыну, которому двадцать один год?

– Для меня ты до смерти дитем будешь.

Вавула зашел в дом, переоделся. Внутри дом состоял из теплого помещения – комнаты с одним-единственным окном, больше для проветривания, потому как топился зимой по-черному. Подстава, что могла служить столом и малой лавкой, лавы рядом, вдоль стены низкие лавы, лежанка, на стенах шкура медведя, других зверей, убитых на охоте. Вторая медвежья шкура на дощатом полу. Такие стали недавно делать. В простом жилище – полуземлянке пол был земляной. У входа отдельная каморка, рядом печь-очаг глиняная. К дому-срубам пристроили две пристройки – клетки, там кладовые, комнатенки. Крыша утепленная, покрыта соломенными вязанками.

Мать выставила на стол уху, кашу, кувшин с квасом, половину каравая.

Потрапезничав, Вавула завалился на свою лежанку, что ближе к печи, потянулся:

– Хорошо!

Мать собрала утварь, смахнула со стола крошки и вышла. Ей еще надо было воды из родника натаскать. Все хозяйство в общине по традиции вели женщины. Мужики – добытчики,

они работали на земле, охотились, рыбачили. Кто-то занимался ремеслом, больше бортничеством, резьбой по дереву, кладкой печей, отец Голубы – тот гончарил. У всех было дело. Без него не проживешь.

Вавула задремал. От дремы оторвал его отец:

– Не захворал?

– Не-е.

– Тогда не рано ли завалился спать?

– А чего делать-то?

– Не ведаешь? Жених тоже. А верши проверить? С бреднем по реке пройти?

– Так не голодный же год.

– То только Велесу вестимо. Подымайся и выходи на берег, да переоденься.

– Ладно, иду!

Вскоре сын с отцом (Заруба Дедил, не глядя на старейшинство в общине, работал, как все) на лодке-однодревке, выдолбленной из куска целого дерева, отошли от берега. Вавула, правивший веслом, пустил лодку по течению. Верши ставили ниже, где помельче на изгибе реки у омутов да прибрежных ив. Рыбы там водилось много: и жерех, и подлещик, и плотва, и язь, и сазан.

Вернувшись, оставили улов, взяли бредень. Пошли вдоль берега вверх по течению до обрывов. Тут взяли крупного леща, щуку и стерлядь. Вытащив бредень на берег, мелочь бросили обратно в воду, крупную в корзинах поставили в однодревку. С уловом пришли к нижнему затону напротив села. Туда же сходились и другие рыбаки. Места для рыбалки хватало всем.

Дедил рыбачил поблизости, кто-то дальше, за омутом и обрывами. Опять-таки одни проверяли снасти, покуда солнце не ушло к горизонту, другие позже, третьи в сумерках, дабы не мешать друг другу.

С уловом вошли на подворье. Жена старейшины принялась чистить рыбу, что пойдет на уху да жарено-парено, отобрала часть улова для соления и копчения – заготовки на зиму.

К Дедилу пришел старец Светозар, весь заросший, в одежде, отличной от других. Он был в общине волхвом, или жрецом, или, как его еще называли, – кудесником. Именно он творил все обряды и смотрел за святым местом сельчан, за капищем. Его почитали на селе, без него не бывало ни одного праздника, ни одной свадьбы, ни одного погребения. Только он был способен общаться с богами.

Старейшина встретил волхва, усадил на лавку пред домом, внутрь тот пойти не захотел. Жена принесла квасу. Светозар отказался, попросил воды. Ольга принесла чашу с родниковой водой.

Дедил молчал, первым должен был говорить старец.

Тот скovyрнул кусок грязи с рубахи, выдохнул:

– Нет боле дуба векового.

Старейшина насторожился:

– И чего теперь? Беды ждать?

– Беда, Заруба, приходит, когда ее не ждешь. О том же допытывались и сельчане, молвил, коли капище не пострадало, знать, обойдется. Тебе скажу: не обойдется.

– Что с капищем?

– Там ничего, а вот гибель дуба – дурная примета. Сколько веков простоял, и ничто. И еще столько же мог стоять, да вот гроза сгубила его. Неспроста это. Приметил, какой гроза была? Слово для того, чтобы загубить дуб. Знать, прогневался на нас Перун. А коли прогневался, то и наказание грядет. А вот какое, Перун не ответил. На капище я впервой не смог говорить с ним. Не пожелал он услышать зов мой. Так что плохи дела.

– Так что же произойти может?

– Все что хочешь. Мыслю, пожар может случиться, все же огнем знак был. А может, буря. Не ведаю, оттого и маюсь, Заруба.

– Что делать мне, старец?

– Пройдись по селу, поговори с людьми. Пусть к пожару готовы будут. Да не пугай, молви: гроза, что дуб сгубила, ушла, но вернуться может, и коли застанет врасплох, то погубит всех.

Дедил возразил:

– А не лучше ли тебе это сделать? Я кто? Я – как все, а ты с богами разговариваешь, тебе веры боле.

– Веры боле, тут ты верно говоришь, но и испугаю я их боле. Начну гутарить – испугается люд, а того допустить никак не можно. Сразу бросит все да подастся в лес.

Дедил почесал затылок:

– Ты прав. Провожу тебя, пройду по селу. Погутарю с людьми.

– А чего меня провожать? Сам всю округу ведаю.

– На капище пойдешь?

– Туда. Надо же вызнать у Перуна хоть намеком, чего ждать.

– Получится?

– Просить неистово буду, а получится аль нет, поглядим. Все важные дела творятся, когда темно.

– Может, нас сглазили?

– И про то проведаю. Пойду.

– Может, откушаешь?

– Не до того.

Старец Светозар ушел, оставив Зарубу в глубокой задумчивости. А подумать было о чем. Не давала покоя гибель векового дуба. И к чему это, мыслей не было. Ясно одно: коли не к беде, то к чему-то нехорошему.

Праздник Купалы, летнего солнцеворота, в этом году выпал на неделю (воскресенье) месяца Червень (июнь), впрочем, он всегда праздновался в Червене, когда выдавалась самая короткая ночь. Считалось, что это 24-й день месяца. С утра в селениях царила праздничная суета. В нераспаханные поля на целину вышли девушки всех трех сел. Собирать травы-обереги – полынь, зверобой, крапиву для всех участников праздника. Набирали травы и крепили у пояса. Парни и молодые мужики пошли к лесу выбирать березки высотой не более и не менее двух человеческих ростов.

Место проведения гуляний было выбрано еще при заселении. В Вабеже – на берегу речки Киша, что имела в ширину саженой десять и глубину по грудь. Киша несла свои воды по лесам и только у Вабежи выходила в поле, после вновь заходила в дремучую мешчеру, дабы ниже Заледово впасть в Оку. В Рубино местом праздника являлось ровное поле у самой Оки, в Заледово – на холме у леса и лесного озера. Туда парни несли срубленные березы и вкапывали в землю. Девушки начинали украшать их цветами и лоскутами разных цветов. Это дерево называли мареной или купалой. Под него обязательно прилаживали куклу в человеческий рост, изображающую Ярилу – бога солнца, весны и любви. Делали ее из соломы, используя ветви. После куклу облачали в одежду, украшали венком, лентами пестрыми, цветами полевыми. Кукле приделывали органы мужского достоинства – деревянный гой больших размеров и красили в красный цвет. Перед куклой на платке клали разные яства.

Парни и мужики тогда же готовили дрова и складывали неподалеку от дерева два костра. Большой, именуемый Купалец, – в четыре роста человека. Посреди ставили высокий шест, на вершине которого было закреплено колесо от телеги, пук соломы или сухих веток. Большой костер являлся главным местом празднества. Другой, малый, складывали недалеко от большого и называли его погребальным – для сожжения лица Ярилы.

В Рубино волхв, старец Светозар, окропил крапиву для купания и травы-обереги, принесенные на капище.

Как все сготовили, началась гулянка. Девушки завели хоровод. Парни и молодые мужики, шуткуя, «кидались» на них. Волхв отламывал сучок березы, раздавал каждому. Считалось, что из этих сучьев обязательно вырастает дерево.

Вавула в тот день гулял с молодежью из своего села. Пел ряженым, ближе к полудню пошел на потешный кулачный бой. Любил он эту забаву. Обнаженным купался в реке под шум и гам рожков, бубнов, трещоток и звон колокольцев. На девчат, что после купания собрались в сторонке, выглядывая суженых, он внимания не обращал, но ловил взгляды Голубы, дочери гончара.

Ближе к вечеру Вавула поменял наряд, оделся в обычную рубаху, портки, что были припрятаны на опушке леса, и двинулся в сторону Вабежи. Там, в условленном месте на берегу реки Киши, затаился.

Из-за акации он видел, как гуляет народ в соседнем поселении. А там девушки уже разжигали большой костер – Купальцу. А вокруг – народ: шум да гам, хороводы, веселье. Костер разгорелся, пламя охватило березку и закрепленный наверху пучок соломы, здесь колеса не было.

Одолевали мошкара да комары, Вавула отбивался, но не сводил глаз с гулявших.

Вот начался выбор суженых. Девушка хлопала парня по плечу и убегала, а тот бросался ее догонять. Вавула забеспокоился, он не видел Ведану, да и немудрено, сколько народу на берегу. Наконец увидел. Она не убегала ни от кого, держалась в стороне. К ней подходили парни, но тут же отходили. Ее отец вместе с местным волхвом был у костра. Пары начали прыгать чрез огонь, держась за руки. После этого они получали по куску освященной еды, принесенной с капища. Кто-то притащил колесо, его подожгли, пустили катиться под гору, в реку. Добро, что в стороне от Вавулы, не напрасно он выбрал мелководье и косу.

На реке пары поменялись венками, по берегу зажглось множество костерков. Обнажившись, парни и девушки бросились в реку купаться. После этого они должны были разойтись по берегу, дабы прилюдно заняться любовью. Но неожиданно громче всех бубен и трещеток раздался крик:

– Хазары!

Гулянье замерло, раздевшиеся быстро выбрались из реки, оделись. Гам прекратился.

Прибежавший из села мужик указывал в сторону против той, куда село солнце. Там показался конный отряд человек в десять. Все замерли, ожидая, что будет дальше. Хазары ведали про славянские праздники и могли уйти, тогда гулянья продолжились бы. Однако отряд уходит не собирався. Наступила несвойственная этой ночи тишина. И только от Рубино еще доносился шум веселья. Там все шло своим чередом. В родном селе Вавулы пока не ведали о появлении ненавистных хазар.

Отряд привел к Вабеже сам тархан (представитель знати в каганате). Он не собирався уезжать из лагеря, который хазары разбили недалеко от дороги, в десяти верстах от Оки, но его уговорил один из сыновей, Джабу, тот был в походе первый раз и желал поглядеть на праздник славян.

Тархан Янур Ильдуан, рядом с которым неотлучно находился большчы – его помощник Турис Авартук, повернулся к Джабу:

– Ну, сын, и как тебе праздник полян (в то время на Руси русов не существовало, хазары называли всех славян, занимавших русские земли, полянами).

– Мне нравится, отец, – ответил Джабу, – а что это они голыми все вместе в реке купаются?

– Так у них заведено.

Он усмехнулся:

– Но самое интересное мы им прервали. После этого купания поляне прямо на берегу любят друг друга.

– Да ну! – удивился Джабу.

– Таковы их традиции. У всякого народа они свои.

– Да, рановато подъехали.

Тут уже рассмеялись тархан и его помощник.

Джабу же не сводил глаз с берега. Вдруг воскликнул:

– Гляди, отец, в стороне от костра девица-прелестница!

– Ну и что? У полян много красивых девок, поэтому мы и забираем их данью. Но не здесь. Тут нельзя.

– Да что ты, отец, говоришь? Почему нельзя? Или эти поляне взбунтуются? Так надавим, у нас же в лагере целая сотня. И не мужиков да парней, а настоящих воинов.

– Э, сын, среди полян тоже есть воины.

– И все же прошу тебя, отец, давай заберем эту девицу.

– Что-то она одна-одинешенька.

– Вот видишь, значит, не нашла себе пару.

– Или уже есть жених.

– Я убью его!

– Не смей даже думать о том. Свара с полянами каганату не нужна, нам нужна дань. И так неплохо берем. Тут – меха, в других селениях, где народ покорный, – девок и женщин. Везде, что можно без сшибок.

– Что для них меха белок да лис? Пойдет охотник в лес да набьет из лука. А девиц надо и с этих сел брать, вон их сколько тока в одном.

Ильдуан осерчал:

– Это не тебе устанавливать.

И тут же смягчился, любил он сына:

– Как же твоя невеста Суват?

– Суват из знатного рода, она женой станет, а полянку я бы в наложницы взял. Ведь так можно?

– Можно. Ладно, не будем мешать полянам, пусть завершают свой праздник. Встанем лагерем за рощей. Утром как начнем объезд, поглядим, что за девица тебе приглянулась. Может, и заберем.

– Отец! – воскликнул Джабу.

Тархан прервал его:

– Не говори ничего, – он обернулся к помощнику: – Турис, отряд за овраг в рощу, там ставить шатер, шалаши, к коням отрядить охрану.

– Понял, господин.

Он отдал команду, и отряд, развернувшись, пошел к оврагу.

На берегу оживились:

– Ушли хазары. И чего приходили?

Кто-то крикнул:

– Порубать бы их!

– Я тебе порублю, – раздался голос старейшины Кобяки, – продолжайте, люди, праздник.

Парни и девушки скинули платья, ринулись кто куда.

Кобяк увидел дочь.

Подожел к ней:

- А ты чего одна, Ведана? Или захворала, не до веселья?
- Да, отец, не можется что-то. Днем набегалась да накупалась, сейчас холодом обдает.
- Ну тогда ступай домой, мать вылечит, а нет, так после я жреца нашего приведу. Он в знахарстве весьма способный.
- Да, отец, пойду.
- Я тако же скоро приду. Ночь коротка. Вскоре заря. Тогда и приду.
- Да, отец.

Ведана направилась к селу, но пройдя до ворот, встала, осмотрелась и пошла в обход гуляния.

Костры постепенно затухали. Наткнуться на влюбленных она не боялась, их выдавали всхлипы и стоны наслаждения либо ругань. Не всякий парень подходил девушке, и не всякому парню подходила выбранная им суженая. Ожидание наслаждения превращалось в разочарование, оттого и ругались несостоявшиеся любовники.

Ведана обошла поляну любви, вышла на берег прямо напротив речной косы.

– Вавула, – тихо позвала она.

И тут же услышала в ответ:

– Тут я! Переходи реку, Ведана.

– Ой, боязно мне, кто бы знал.

– Ты думай о том, что мы скоро вместе будем, и страхи пройдут. Иди.

Ведана огляделась, ступила в воду, отдернула ногу, потом решила и быстро перешла реку, сразу же попав в объятия Вавулы.

Миловались недолго, близок рассвет, пошли по лесу.

На небольшой ровной полянке Вавула остановился, вновь обнял девушку:

– Не могу боле, Ведана!

– Так мошкара тут, комарье, да и зверь дикий.

– Зверь ночью промышляет, к утру в норы да под пеньки забивается. А мошкара... Так ее всюду полно, даже в доме. Тут, Ведана, самое удобное место, на поле несподручно, на селе не дадут, там сама знаешь, что начнется, когда тебя увидит отец.

– Ох, Вавула, Вавула, может, по-другому надо было?

– А как?

Девушка вздохнула:

– И то верно – никак. Отпусти-ка.

Вавула разжал объятия.

Ведана сняла рубаху, под ней ничего не было, осталась в одних онучах, они не мешали. Вавула быстро скинул свою рубаху, стащил штаны и повалил девицу на траву.

Он торопился, дыша, как загнанный конь. Желание било чрез край.

Раздался вскрик Веданы:

– Больно!

– Ничего, родная моя, ничего.

Вскоре сладкие стоны заполнили поляну.

Удар наслаждения они испытали одновременно, вместе вскрикнули.

Вавула откинулся на траву:

– Хорошо-то как, Ведана! А тебе?

– Очень хорошо, я и не думала, что вот так будет. Ой, рубаха!

– Что рубаха?

– Она была под нами.

– И чего?

– Так пятна на ней черные, кровь, Вавула.

– И чего? Так и должно быть!

- Как я в таком виде предстану перед родителями?
Вавула поднялся, надел штаны, рубаху, онучи.
- Речка тут недалеко, саженой двадцать.
- Идем туда, замыть пятна надо.
- Идем.
- Начинало светать.
- На рассвете Вавула и Ведана вошли в дом Зарубы Дедила.
- Поднялась с постели мать, зажгла огонь – сын с кем-то.
- Ты не один, Вавула?
- Нет, мама, не один, со мной моя невеста.
- Ольга кинулась к лежанке мужа, но тот уже поднялся на лаве:
- Невеста, молвишь? И кто же это? Мыслю, Голуба. Умыкнул-таки, дождались.
- Нет, отец, не Голуба, а Ведана Кобяк.
- Что? Ну-ка, Ольга, зажги еще огня.
- Жена подчинилась. Проснулись братья и сестра.
- Чегой-то тут?
- А ну лежать на лавах, то вас покуда не касается.
- Молодежь накрылась рогожами, внимательно следя за происходящим.
- Ведана? Дочь старейшины Вабежи, Веденя Кобяки?
- Так, отец!
- Ну, сын, угодил так угодил.
- Хозяин взглянул на девушку:
- Сядь на лавку и жди, а ты, – он повернулся к сыну, – выйди во двор.
- Дедил шагнул вслед за сыном к плетню.
- Ты чего наделал, Вавула? У тебя голова на плечах или глиняный горшок? Или не ведаешь, что не дружны мы с Кобяком и его родом?
- А пошто недружны-то, отец? По то, что овраг никак поделить не можете? Так пусть ничей или общий будет.
- Дедил за рубаху притянул к себе сына:
- Ничей? Это наша земля.
- Да какая земля, отец, в овраге?
- Неразумный ты еще, хоть и вымахал в сажень. Отдай часть земли, потом всю заберут.
- А Голуба? Чего мне теперь гончару говорить? Уговор же был.
- По обычаем я могу сам выбрать себе невесту.
- Можешь, а со мной до того почему не поговорил?
- Потому, что ты запретил бы братъ Ведану.
- Дедил сжал кол, да так, что сломалась верхушка.
- Значит, перед праздником ты в лесу с Веданой был? Уговаривались, как бежать?
- Тут виноват, отец, соврал, с ней был. Договаривался. А как иначе?
- А никак. Не по нраву Голуба, других девок в Рубино полно, нет, полез в Вабежу и кого уразумел умыкнуть? Дочь старейшины.
- Но что поделаешь, коли любя она мне, а после того...
- Он запнулся.
- Говори.
- ...а после того, как полюбезничали с ней в лесу, скажу так: кроме Веданы, мне никакая другая не нужна.
- Дать бы тебе тумачков. Первый ты у нее?
- Да!

– Если добром ваша затея кончится, Веденей мне такой выкуп назначит, что век не заплатишься.

Вавула понял, что отец смирился, улыбнулся:

– Кобяк прогневется, конечно, да ничего уже не изменить. Дочь не вернешь. А выкуп? Да настреляю я ему белок да лис. Откуплюсь.

– Слушай меня. Сейчас пойду в Вабежу, там Ведану наверняка уже ищут. Буду говорить с Кобяком. Тяжелый разговор получится, но потерянного уже не вернешь. Как-нибудь договоримся. А вы с... Веданой ложитесь на лавку у печи, а завтра рыть землянку начинай, жить отдельно будете.

– Само собой, но то после свадьбы.

– А ты до свадьбы как раз дороешь, место я укажу, для вас с Голубой у общины взял. Уразумел?

– Да. Но погодь, отец. Хазары объявились.

– Чего? – как от боли сморщился старейшина.

– Хазары, говорю, объявились под конец праздника. Смотрели, как гуляют в Вабеже.

– А ну, рассказывай, как было.

Вавула рассказал.

– Этого нам ныне для полного счастья и не хватало. Вот тебе и примета, вот тебе и сгоревший дуб. Бог Перун предупреждение нам послал. Не зря говорили – к беде. Вот она и пришла.

– Ведана так же говорила, когда загорелся дуб – к беде.

– Ступай-ка ты к своей Ведане, глаза б мои вас не видели.

Проводив сына, Дедил вывел из стойла коня, вскочил в седло и направился к Вабеже.

На селе не спали. Мужики были на улице.

У оврага старейшина встретил двух вабежцев.

– Стой! – крикнул один.

Дедил остановил коня:

– А чегой-то вы на нашей земле делаете?

Мужик, старший по возрасту, с вызовом ответил:

– Это еще не ведомо, чья земля. Веденей говорит – наша.

– Ладно, с этим потом, чего щас-то не спите?

– Так вставать все одно пора, а вообще, беда у нас.

– Что за беда?

– Пропала дочь Кобяка, Ведана. Не иначе хазары вчерась умыкнули. Старейшина поехал к ним.

– Давно?

– Не-е, недавно.

– Давайте за ним, верните.

Второй мужик усмехнулся:

– А ты кто нам есть, чтобы указывать?

– Говорю, возвращайте, значит, возвращайте, у нас в Рубино Ведана.

– Ух ты! И как попала?

– Ты хочешь, чтобы твой старейшина с хазарами понапрасну сцепился? Те и порубить могут.

Старшой кивнул младшему:

– Давай, Надежа, гони за Кобяком, а то на самом деле как бы большей беде не быть.

– Угу.

Мужик сбежал по спуску, вывел коня на верх противоположного склона и галопом понесся мимо села к дальнему оврагу, за которым стали хазары.

Дедил сказал старшому:

- Я в дом Кобяки поеду. Нам говорить с ним треба.
- Это да. Эх и разгневаётся Веденей. А кто умыкнул-то ее?
- Сын мой, Вавула.
- Сын?
- Да.
- Ну тогда не ведаю, чем ваш разговор закончится.
- А тебе и не треба.

Дедил проехал в Вабежу, объяснился с мужиками, что стояли на страже, доехал до подворья Кобяка. Соскочил с коня, набросив удила на столб городьбы.

Из дома вышла жена старейшины села:

- Ты чего заявился, Дедил? Горю нашему радоваться?

– Остынь, Краса, пошто речи обидные ведешь? Да, мы не друзья, но и не вороги, чтобы радовались чужому горю. Да и нет никакого горя, коли мужа твоего мужик, которого я послал, возвратит от хазар.

– Как нет? – гневно вспыхнула Краса. – У нас дочь умыкнули, и окромя хазар, того сделать некому.

- Есть кому.

- Ты чего, Дедил?

- А то. Сын мой, Вавула, а не хазары, умыкнул вашу Ведану. Щас она в моем доме.

Женщина от неожиданности опустилась на скамью пред домом.

- У тебя? Вавула? Да что ж это такое?

- А что, хазары лучше?

Жена Кобяка не ответила, пошла в дом.

Подъехал старейшина с тремя мужиками, соскочил с коня, подступил к Дедилу:

- Как твой гаденьш посмел умыкнуть мою дочь?

– Может, поначалу поприветствуешь гостя, Веденей? Обычаи гостеприимства везде одинаково обязательны.

- Обойдешься.

– Ну, коли так, то и говорить нам с тобой не о чем. Главное передал: твоя дочь теперь невеста, можно сказать, жена моего сына, желаешь ты этого или нет. Так что придется смириться. Вавула обычаи не нарушал. Умыкнул невесту, как принято. Ну... я поехал. Теперь к наезду хазар готовиться треба да Тихомира Сергуна в Заледово о них предупредить.

Дедил направился к коновязи.

- Погодь, Заруба.

Дедил обернулся:

- Что еще?

– Я... того, погорячился я. А как не горячиться, когда дочь пропала, а рядом хазары! А она вон – в соседнем селе спит спокойно.

- Да не спокойно. Переживает шибко. Боится. Пришла сама не своя.

- А ну заходи в дом, погутарим.

- Вот это другое дело.

Старейшины родов сели за стол. Семья в это время вышла на улицу.

Дедил начал первый:

– Я не желаю оправдываться пред тобой, Веденей, сам прочил в жены сыну девицу из нашего рода. Но раз так вышло, ничего не поделаешь.

- Плохо ты за сыном смотрел.

- А ты за дочерью. Собачиться будем?

– А что, по-твоему, люди скажут? Дочь старейшины ушла в другой, недружественный род. Старейшины ведь, чего уж говорить о других.

– У меня на селе тоже не многие рады будут. Но треба договориться. Говори, какой выкуп желаешь за дочь?

– Скажу позже. Поначалу хочу говорить с дочерью.

– Это твое право, но ничего не изменится.

– А коли Вавула взял ее против воли?

– Сам-то веришь ли в то? На празднике, среди народу, Вавула силком утащил твою дочь? Кобяк замялся. Ведана сама ушла, сказала, что захворала, и пошла на село, а на самом деле... к реке скрытно.

– Ладно, пусть по своей воле, но свадьбы не будет. Определю выкуп, отдашь, и пусть живут, но в Вабежу ей дороги боле нет. Так и передай.

Дедил взглянул на Кобяка:

– Ты отрекаешься от дочери?

– Да.

– Не спеши. Сейчас ты в гневе, погодь немного, охолопись, глядишь, и сменишь гнев на милость. А не хочешь свадьбы, обойдемся без нее, землю молодым я выделю, пусть строят жилище, а до того живут у меня. Когда определишься с выкупом?

– Потом, сказал же. Думать буду.

– Ныне след думать о хазарах. Чего-то вдруг они опять заявили? Положенную дань мы им еще в цветене (апреле) заплатили.

Кобяк кивнул:

– Заплатили, даже больше требуемого шкур дали. Но они у нас девок не брали. Может, за тем и вернулись?

– А по мне так совесть их каган потерял.

Кобяк усмехнулся:

– Ты думаешь, у него она есть?

– Ты прав, Веденей. Хазар думает об одном, говорит о другом, делает третье. С ними надо бы пожестче. Хамлых (одно из названий столицы хазарского каганата) далече, сюда они приходят дружиной небольшой. Сколько хазар вышло к берегу?

– С десяток. Но где-то неподалеку у них лагерь.

– Это так. Там сколько? Сотня? Полусотня? У нас, если объединиться, боле двух сотен наберется. И чем биться есть, в каждом доме, почитай, лук со стрелами, топоры, секиры, мечи, о копьях да острогах я и не говорю. Куда хазарская сабля супротив нашего меча?

– Объединиться, говоришь? – посмотрел исподлобья Кобяка на Дедила. – А народ того захочет?

– Так поговорить с ним надо. Старцев спросить, они-то понимают, что вместе мы – сила. Разве дело, коли твое село хазары вдруг разорять начнут, а мы глядеть из-за городьбы будем в надеже, что не нас бьют?

Кобяк неожиданно сказал:

– Твой род пусть поначалу нашему роду земли вернет.

– О каких землях речь ведешь? – изобразил удивление Дедил.

– Овраг наш, признай то.

– Община не признает.

– Вот видишь, овраг поделить не можем, а об объединении говорим. Не будет того.

– Эх, мало нас хазары треплют, – вздохнул старейшина Рубино, – но придет время, когда не иначе как только вместе жить сможем. Но сколь народу до той поры сгинет?

Кобяк поднялся:

– Езжай к себе, Дедил. А Ведане передай, я желаю говорить с ней. Не захочет – ее дело, тогда... да чего повторяться...

– Я передам ей твое слово, встрече перечить не буду. А о сказанном подумай, да быстрее определяйся с выкупом. Не люблю, когда долг на шее висит.

– Определюсь, боюсь только, он тебе не по нраву придется.

– Ну чего же делать? Ты отец невесты. Ведана до того была девственницей, значит, должен платить.

Дедил вышел во двор. Завидев его, семья Кобяка отвернулась. Старейшина рода из Рубино отвязал коня, запрыгнул в седло, поехал в свое село.

Там его ждали. Впереди всех старец Светозар.

Дедил спрыгнул с коня:

– Чего собрались, Светозар?

– Ответь людям, правда ли, что твой сын умыкнул невесту из Вабежи?

– Правда.

– Почему брезгуешь своими невестами, Заруба?

– О чем ты, старче?

– О том. Уговор с гончаром Лихарем Рубаном насчет женитьбы Вавулы и его дочери Голубы был?

– Был.

– Почему нарушил?

– Потому, что сын сам выбрал себе жену. По нашим обычаям это не карается.

– Значит, решил породниться с Кобяком?

– Так вышло, но родней мы не будем. Кобяк не признает нас, мы не признаем Кобяка.

– Люди поговаривают, овраг намерен отдать Кобяку, правда?

– Нет! Это наша земля. На том стоял и стоять буду.

Светозар повернулся к мужикам.

– Что скажете, люди?

Дедила уважали, иначе не выбрали бы старейшиной.

Кто-то проговорил:

– Коли так, как сказал Дедил, то пусть.

Волхв взглянул на старейшину:

– Пошто ездил к Кобяку?

– Предупредить, что Ведана у нас, а то он собрался было к хазарам ехать.

Народ напрягся:

– К каким таким хазарам, куда ехать?

– Слушайте меня, люди! Вчера, на праздник, объявились хазары, подъезжали к месту гуляний рода Кобяка. Постояли, посмотрели, ушли за дальний овраг, может, в рощу, может, дале. Чего хотели, неизвестно. Но мыслю, коли объявились, след ждать их снова.

Толпа загудела:

– Чего этим собакам треба?

– Приезжали же в цветень?

– Опять дань собирать?

Дедил поднял руку, народ замолчал.

– Чего треба хазарам, мыслю, уже ныне прознаем. До того занимайтесь своими делами. Но ведайте, по первому клику всем сбор на селе, возле дома моего. А шас расходитесь. Работать треба, гулянье закончилось.

Люди начали расходиться. Остались только Светозар и Дедил.

Волхв спросил:

– Сам-то как мыслишь, чего хазары объявились? Не для людей, для меня скажи.

– Не ведаю, старче.

Светозар вздохнул:

– Я пойду на капище. С собой возьму двух парней и двух девиц, порядок там опосля грозы да гуляния навести треба. Да просить богов, чтобы прогнали хазар проклятых.

– Я понял тебя.

– Ты Кобяке не уступай, Заруба, иначе народ другого изберет.

– То право общины!

– Право-то право, да окромя тебя во главе рода ставить некого.

– Так уж и некого!

– Избрать любого можно, а вот в порядке род держать сможет не каждый! А коли смута пойдет, тогда и роду конец.

Старик, опираясь на посох, двинулся на село. Дедил проехал к своему дому. Начался новый день, 25-й по счету месяца червень.

Глава вторая

Как только солнце поднялось настолько, что тени стали в два раза короче, из дальнего оврага показалась конница.

Шла она к Вабеже. Мужики и бабы побросали работу, последние, подхватив детей, что забавлялись в дорожной пыли, скрылись в домах и землянках. Мужики двинулись к месту сбора у дома старейшины. Один побежал открывать ворота – как же, хозяева приехали!

Хазарский отряд неспешно въехал в село.

Тархан, большчы и сын тархана спешили, остальные остались в седлах, вооруженные саблями, копьями, у двоих – луки с полными колчанами, круглые деревянные щиты за спинами. Все в кольчужных рубахах, шлемах, в стремянах мягкие сапоги – обувь, которую местные только и видели что у хазар.

Тархан с помощником и сыном подошли к Кобяку.

Ильдуан за время сбора налогов научился здешнему языку и общался с селянами вполне свободно:

– Не ожидал увидеть меня, вождь?

Кобяк ответил:

– Я не вождь. Я старейшина.

– Ох уж мне эти ваши названия. Какая разница, если ты правишь родом?

– А та разница, что сегодня правлю я, а завтра другой. У нас...

– ...я знаю, что у вас, – прервал старейшину тархан, – а чего народ собрался?

– Так желают знать, зачем опять пожаловали. Были в цветень, что полагается забрали, ныне-то чего надо?

Тархан усмехнулся:

– Каганат растет. У нас, вождь, не только народы кочевников-степняков, есть и славяне, и горные люди. Их тоже кормить-поить надо. Однако не дело мне перед тобой ответственность, Кобяк. Скажу так, с этого дня дань платить больше будете, вдвое больше. И то, что не забрали в цветень, заберем сейчас. Накажи своим людям, пусть приготовят по две лисьи шкуры со двора, по пять беличьих и одной лесной кунице.

– Но их еще добыть надо, – проговорил Кобяк.

– А я не тороплю, время тебе до сумерек.

– А коли куницу не добудем? Ждать станешь?

– Коли так, вместо одной куницы отдашь пять белок. Уяснил?

– Уяснил.

– Ну и яхши. Погоди, еще дело есть.

Тархан повернулся к большчы:

– Езжай, Турис, в Рубино и Заледово, пусть там также собирают новую дань! Здесь останутся сын и трое воинов, остальных с собой возьми. Коли кто недовольство проявит, мне скажешь.

– Да, господин.

– Езжай!

Помощник тархана забрал четверых всадников и поехал в соседние села.

Кобяк спросил:

– Что еще за дело, тархан?

– Накажи своим, чтобы барашка зарезали да зажарили. Есть будем.

– Ладно.

Кобяк пошел на село.

Сын спросил тархана:

– Отец, почему ты не сказал вождю полян, что я хочу забрать девицу?
– То ему знать не нужно. Я еще не решил, брать наложницу или нет. Все будет зависеть, соберут ли поляне новую дань.

– А коли соберут?

– Тогда тебе придется обойтись без наложницы.

– Но ты же обещал?

Ильдуан повысил голос:

– Что обещал? Я сказал: может, возьмем. Разве не так?

– Так. Но я думал, для меня...

Тархан прервал сына:

– Поглядим поначалу твою девицу, стоит ли она того, чтобы из-за нее подымать шум.

Они вскочили на коней и медленно поехали по селу.

Женщинам и девушкам пришлось выйти из жилищ. Старейшина передал наказ бить лис, белок и куниц, для того треба мужикам идти в лес на охоту, женкам проводить их и заниматься хозяйством. Тем более что на селе осталось всего несколько хазар.

Джабу, следуя рядом с отцом, внимательно всматривался в лица девиц, что попадались по дороге. Их было много, но той, что он заприметил на вчерашней гулянке, не было.

Отец ехал рядом, позади следовали воины. Тем все равно. Они готовы исполнить любой приказ тархана, больше от них ничего не требовалось.

Объехали всю Вабежу.

Ильдуан спросил сына:

– Ну и где твоя девица?

– Я не видел ее.

– Многие вышли, но есть, кто спрятался. И не выйдет, покуда мы тут.

– И что делать?

– Надо как-то прознать про ту девицу. Хотя, я бы на твоём месте выбросил ее из головы. Хотя... утром дозорный докладывал, что еще на заре в селе мужики были на ногах. И из Вабежи выходил всадник, в село приезжал полянин из Рубино. Всадника вернули на село. Потом все успокоилось, приезжий убрался обратно в Рубино. Что бы это значило?

Молодой Джабу пожал плечами:

– Кто этих полян разберет!

– Нет, так просто из-за мелочи такой суеты не будет. А что было, надо узнать. Вон красавица воду от колодца тащит, у нее спросим.

– Она может не знать.

– Женщина, Джабу, не вмешивается в дела мужиков, а ведаёт иногда больше их.

Он повернулся к воинам:

– Савар!

– Я, господин, – ответил первый из троицы всадников.

– А ну, останови ее.

Испуганная женщина едва не выронила ведро, когда дорогу ей заступил хазарин.

– Стой, надо говорить господин. Понял?

– А чего со мной-то?

– Не знает. Стой тут, ждать!

Подъехали отец и сын, спешились.

– Не бойся, – сказал тархан. – Я желаю спросить тебя, ты должна ответить, ответишь – пойдешь домой.

– Коли ведаю, о чем желаешь спросить, отвечу.

– Чего у вас на селе утром суета и беготня была?

Женщина облегченно вздохнула. Про ночные и утренние события она знала.

– Так в ночь сын старейшины Рубино, Вавула, умыкнул дочь Кобяка. А Веденей подумал, что это твои люди ее украли, хотел к тебе ехать, да наведалься Заруба, вернул Кобяка и говорил с ним. Уж о чем, не ведаю, но после разговора все и успокоилось. А тут и вы налетели.

– Мы не налетели, глупая ты женщина. Если бы налетели, то от села вашего ничего бы не осталось.

– Извиняй, господин. Так я пойду? Пятеро детишек у меня, им еду готовить треба.

– Иди.

Женщина бегом побежала к ближней полуземлянке, будто и не тащила тяжелую ношу.

Джабу спросил отца:

– И чего мы узнали?

– То, что скрыл от нас Кобяк. Но это его дело, семейное. Дочь Кобяка выкрал сын вождя соседнего села. Это у них обычай такой.

– Видел я их обычаи.

– И что, объедем село еще раз?

– Если ты согласен.

– Поехали, все одно трапеза не скоро.

Хазары проехали по селу еще раз. Девушки своей сын тархана так и не увидел. Казалось, он успокоился.

Мужики уходили в лес.

Вернулся с воинами помощник, сказал, что передал старейшинам повеление тархана о новой дани.

Не выспавшийся за ночь Янур Ильдуан порешил ехать в лагерь и отдохнуть. Большшчы, выбрав момент, подошел к сыну тархана:

– Та, которую ты ищешь, в доме Дедила.

– Вот оно что!

– Тише, Джабу, не надо, чтобы отец о том услышал. А то не позволит тебе взять ее, хотя она уже не девица, почитай что жена сына Дедила.

– А как ты это узнал?

– Так я же рядом с тобой за весельем смотрел и заметил, как ты глядишь на нее. А потом и сказал, что желаешь ее.

– Разве я говорил такое?

– Ну, может, не так, по-иному.

– А почему ты решил мне рассказать об этом, да еще втайне от отца, твоего хозяина.

– Сегодня отец твой господин, а завтра им станешь ты. Может, не забудешь услуги, что оказал.

– Вот ты о чем? Далеко смотришь.

– Приходится. У меня три семьи, три дома.

– Ты поможешь мне?

– В чем?

Их заметил тархан:

– Чего шепчетесь? Я сказал, все в стан, на отдых.

– В лагере поговорим, – шепнул Джабу и пошел следом за отцом.

Малый отряд Ильдуана ушел за рошу. Там, привязав коней, хазары разошлись по шалашам. Тархан прошел в шатер, помощник Авартук и Джабу задержались.

Большшчы спросил:

– В чем тебе нужна помощь, Джабу?

– Я хочу выкрасть девку у сына Дедила.

– Это не так просто.

- Но возможно?
- Не знаю. Покуда не знаю, думать надо.
- Так подумай, я в долгу не останусь.
- Подумаю.

Помощник и сын тархана зашли в шатер, повалились на лежанки и уснули. Бессонная ночь и хлопотное утро давали о себе знать.

Мужики же трех селений в то время усердно охотились.

Хазары проснулись, когда солнце подошло к вершинам деревьев густого леса. Тархан объявил сбор своему отряду. Пока он наказывал воинам приготовить сумы для пушнины, помощник и сын тархана снова уединились за шатром.

- Ну, надумал, Турис?
- У тебя может быть только одна возможность.
- Какая?

– Она и ее муж, покуда у них нет своего жилья, должны проживать у Дедила. А в доме сам старейшина с женой да еще два брата и сестра. Молодым же хочется чего?

– Любви.

– Верно. В доме миловаться они не смогут, значит пойдут в укромное место, и пойдут ночью, когда село уснет, успокоится после нашего ухода. Молодые пойдут к большой реке.

– Почему не в овраг? Не к лесу?

– Да на что, если есть место ближе? По берегу кустов много, там песок и село недалеко.

– Дальше?

– Тебе надо взять с собой верного человека. Есть такой в отряде?

– А разве ты не пойдешь со мной?

– Я не могу, прознает тархан – лишусь всего.

– Тогда Аваз Добак. Мы давно дружим с ним.

Помощник тархана кивнул:

– Этот подойдет. Смелый, опытный и, так же как я, желает быть тебе угодным. С ним, как стемнеет, скрытно от отца идите по берегу до места у Рубино, где плоты да лодки стоят, чуть дале начнутся кусты. Туда и выйдут молодые.

Сын тархана спросил:

– А если отец проснется, мы же рядом в шатре спим, и поднимет шум?

– То моя забота. Ты ведаешь, что он перед сном пьет отвар? Так вот в него я добавлю зелье, что делает сон крепким. Отец твой до утра не проснется, коли не будить. Ты умыкни девку, а когда увидит он ее, то поднимать шум придется мне. Поляне хватятся молодых, не простолюдины все же, тогда надо будет нам быстро уходить. И отцу ничего не останется, как уводить отряд к лесному стану. Туда поляне уже не сунутся.

Джабу сказал:

– Но мне тоже надо взять коней.

– Конечно, и тебе и Авазу. Но это просто, табун у рощи, заберете своих коней и поедете. Там у Рубино спешиться надо, укрыть коней, да морды закрыть им мешками.

– Ладно. Выйдем к лесу, спрячемся в кустах, найдем, где укрыть коней, дождемся Вавулу и Ведану, нападём. Сына Дедила придется бить. За то отец накажет строго, как бы не заставил вернуть девку.

– Так ты не насмерть бей, оглуши рукоятью сабли, добычу в охапку, в рот кляп, мешок, как положено, на голову, ремни на руки-ноги и – к коням. Придете в лагерь, разбужу отца. И пока в селе поймут, что к чему, мы уже уйдем.

Джабу вздохнул:

– Что потом будет? Как следующее лето приходить за данью?

– Это без тебя решат. Из-за бабы войны не будет. Мы утихомирим полян. Но если сомне-
ваешься, оставь все как есть. Какие твои лета? Наберешь еще наложниц.

– Я Ведану хочу.

– Ну тогда делай, как я сказал.

– А если отец прознает, что это ты меня научил?

– Я откажусь, мне он поверит.

– Пусть будет так.

Отряд пошел собирать дань.

Охотники справились, благо зверя в лесу водилось много.

Собирали, обходя дом за домом. Большчцы считал добычу, шкуры складывали в сумы, утрамбовывали. Вместе со сборщиками ходил по домам и Джабу. Девица, а теперь молодая женщина могла быть в селении суженого, что враждовало с Вабежей, а могла и вернуться на время домой.

Переехали в Рубино. Начали обход там. Пушнины было много, утрамбовываясь, она уме-
щалась в обширных сумках, которые набивали до отказа и приторачивали к седлам.

Зашли в дом старейшины. Там-то сын тархана и увидел девицу, что запала ему в душу. От вида такой красоты внутри все зажглось огнем желания, лицо юноши покраснело. Он быстро вышел на улицу, потеряв интерес к пушнине.

Хоть и собирали дань хазары быстро, до трапезы не управились. Накормили их в Рубино, где специально зарезали барана.

В Заледово Джабу не поехал. Он отозвал из отряда своего товарища детства Аваза Добака:

– Ты забрал свои сумы?

– Да. У меня куницы много.

– Это ладно. В доме старейшины Рубино был?

– А как же, дождался команды Авартука и зашел за пушниной.

– Молодицу видал?

– Это которую Веданой кличут? Видал – хороша, и лет ей шестнадцать, не боле. Слышал, она – невеста сына вождя. Или жена, потому как сбежала из Вабежи и открыто живет с ним.

Джабу взглянул на товарища:

– Я хочу похитить ее, Аваз!

– Что?

У молодого хазарина от удивления открылся рот:

– Это замужнюю-то? Девиц же в селах полно.

– А мне эта нужна.

– А я тут при чем, Джабу?

– Пойдем к реке, там все объясню.

Они оставили коней у дома Дедила, чтобы привлекать меньше внимания, прошли воро-
тами, ведущими на берег реки. Там Джабу поведал Добаку свой план. Хазарин почесал заты-
лок. Свой шлем он давно прикрепил к седлу – жарко в нем.

– Хм. Худое дело ты задумал, Джабу.

– Почему худое, Аваз? Мне она нравится, я желаю иметь ее в наложницах. Сын старей-
шины Рубино сам выкрал ее во время празднования Купалы, почему я не могу украсть ее у
него?

Добак проговорил:

– Да украсть-то можно, хотя и это двоим сделать не просто. А вот что потом делать будем?

Отец ведает о твоём желании?

– Он гневаться не будет, коль привезу Ведану в шатер. Это я могу тебе точно сказать.

– Да? Раз привел к реке, значит, у тебя есть план на это место?

– Не здесь – ниже по течению кусты видишь?
– Не слепой.
– Там собираюсь ее умыкнуть.
– А с чего ты взял, что сын старейшины Рубино с дочерью вождя Вабежи пойдут нынешней ночью на реку?

Джабу объяснил.

Добак рассмеялся:

– А ведь верно мыслишь, Джабу. И как догадался?

– Авартук подсказал.

– Значит, помощник твоего отца ведает, что ты поедешь сюда?

– Да, но отцу об этом не скажет. Так как, поможешь?

– Эх, Джабу, мне бы тоже в наложницы какую-нибудь девицу здешнюю!

– По дороге назад мы встретим селения полян. Коли там какая тебе приглянется, клянусь, помогу!

– Хорошо. Что я должен делать?

– Пойдем.

Оглядевшись и не заметив ничего подозрительного, молодые хазары зашли в лес. Оттуда прошли к селу. По дороге договорились, что делать.

Объявился отряд из Заледово. Кони были обвешаны добычей. Места не хватало даже для провизии, но за рощей стояла повозка, ее укрыли в яме, что выше по течению. В нее и погрузили мягкую рухлядь.

Отряд к лагерю привел большыч Авартук. Тархан с сыном и Авазом задержались в Вабеже.

Ильдуан наказал Кобяке:

– Теперь будешь давать сколько сейчас и сколько в цветень вместе. Такова будет дань для тебя.

– То много, тархан.

– Ты благодари богов своих, что мы у вас девушек да женщин молодых и вдовых не забираем. Другие роды тока ими и платят. В ваших же лесах зверя полно. Считаю, Кобяк, повезло вам. И это благодаря мне, потому, как я уговорил кагана брать с вас только пушшиной. Сказал, что девки у вас неприглядные да нечистые.

– И чем же мне отблагодарить тебя за милость такую? – улыбнулся Кобяк.

– Дай воды испить. И поеду в стан. Утром домой в Хамлых пойдем.

Кобяк крикнул жене, что пряталась за углом:

– Краса! Принеси тархану чашу водицы ключевой.

Тархан крякнул от удовольствия, отдавая чашу:

– Хорошая у вас вода, не то, что у нас.

– Так бери дань водою, – съязвил Кобяк.

– Шуткуешь? Радуюсь, что с рассветом уйдем?

– Не буду врать, радуюсь. А ты бы горевал на моем месте?

– Я, полянин, на твоём месте никогда не буду, как и ты на моем, хотя у нас ваших много.

Задумаешь встать на нашу сторону, скажи, и тебя возьмем.

– Да нет уж, я как-нибудь со своим родом.

– Ну, давай! И смотрите тут, особо не враждуйте. А то перебьете друг друга, с кого я дань брать буду?

На этот раз громко рассмеялся тархан.

Он вскочил на коня, повел к воротам, за ним тронулись его воины и сын.

Как только хазары скрылись из виду, Кобяк присел на лавку, славя богов за избавление. Но одно ушло, другое осталось. А именно: забота, что делать со свадьбой. Он отказал Дедиле и от слов своих не отречется, и все же скрепить брак надо. Что поделаешь, коли Ведана выбрала мужа из другого рода?

Янур Ильдуан, вернувшись в стан за роцей, передал коня Авазу. Обошел лагерь. Большчцы поспешил доложить:

– Пушнину загрузили в повозку, коней освободили, свели в табун у роши. Двое режут баранов, взятых вместо куниц в Заледово. Не успеет солнце уйти за лес, трапеза будет готова.

– Хорошо.

– Хотел узнать, дозор выставять будем?

Тархан отмахнулся:

– К чему? Мы десятком прошлись по трем селам полян, и никто против слова не сказал. Смирились поляне. Не напали, а могли бы и убить, но сюда не придут. Будут высматривать пыль с дороги, когда поедем домой. Переход до главного стана недлинный, но по лесу. Сначала двинемся по дороге, потом свернем на тропу. А как идти по лесу, сам знаешь. Пусть воины отдохнут. Как будет готова еда – ужинаем, и по шалашам. Не забудь мне перед сном отвару дать. Ноет спина сильнее обычного.

– Может, зельем змеиным растереть?

– Нет, – поморщился тархан, – то умеют только нежные руки наложницы.

– Когда это будет.

– Ничего, отвар покуда помогает.

– Сделаю, господин, все что надо у меня в запасе большом.

– Ну и хорошо.

После трапезы вечерней и молитвы хазары улеглись в шалашах. Тархан, большчцы и Джабу расположились в шатре.

Авартук подал Ильдуану чашу с отваром, куда заварил и травы сонной. Тархан ничего не заметил, выпил, лег на лежанку из овечьих шкур, сунул под голову суму. Оружие и доспехи рядом. Уснул.

Большчцы задул огонь в плошке.

Ночь выдалась светлая.

Как все утихло, Авартук подал знак сыну тархана.

Они вышли на улицу. Авартук спросил:

– Ты с Добаком договорился?

– Да.

– Он должен сюда подойти?

– Нет, будет ждать у оврага.

– Правильно. Тогда иди к табуну. Кони стреножены, охраны нет. Возьми мешки для морд лошадиных да ремни для красавицы, выводи коней лощиной. Далее...

Джабу прервал помощника:

– У меня хорошая память, Турис.

– Ну тогда удачи тебе, молодой господин.

Джабу забрал мешки, ремни, веревки, сложил в небольшую суму, надел пояс с саблей и скрылся среди кустов, за которыми на поляне жевали траву довольные долгожданным отдыхом кони.

Джабу выбрал своего коня и коня Аваза. Повел их в обход лагеря к лощине, по ней вышел к оврагу.

Добак вылез из кустов, напугав коней и самого Джабу.

- Шайтан! Ты как нечисть. Откуда взялся?
- Из кустов.
- А подать сигнал не мог?
- На что? Все хорошо же.
- Что у тебя из оружия?
- Дубина.
- Дубина? А сабля?
- Мы же не с полянами биться идем, и дубина сгодится. Ею, если ударить слегка, и не убьешь, и не покалечишь, а сознания лишишь.
- Ладно, тебе видней. Пошли.
- К полуночи хазары вышли к месту засады...

Большчы оказался прав. Вавуле и Ведане не спалось. Им хотелось близости, но в доме этим не займешься, да и на селе не спрячешься. Кто-нибудь да увидит, потом смеяться будут. Посему решили пойти на реку.

До кустов не дошли, никого нет, разделись, ополоснулись в реке и легли на теплый еще песок. И мир для них перестал существовать.

И так почти до полуночи. Насладившись друг другом, встали нагими.

Вавула надел штаны. Спросил у невесты:

- А ты чего не одеваешься?
- Ты иди на село, родной. А я покуда задержусь.
- Зачем, милая?
- Не догадываешься?
- Купаться будешь?
- И купаться тоже.
- Ну и я тогда.
- Купайся, подожду.
- Отчего не вместе?
- Я потом. Мне надо, Вавула. Иди домой и ложись, я управлюсь и приду. Дорогу знаю, собаки ко мне принюхались, не тронут. Приду и под бочок к тебе лягу.
- Ну, коли так...
- Почему сомневаешься? Хазары в своем лагере. Отец ведает, что я здесь, и уже смирился, что убежала с тобой. Кто меня тронет? Разве что водяной? Но он в омуте сидит, а Купалы день прошел.

Вавула согласился:

- Ладно, я пойду домой, но ты, если что, кричи.
- Как же кричать, все село разбужу?
- Ничего.
- Как скажешь. Ну иди же, не вмоготу мне, разумеешь?
- Угу.

Вавула пошел на село.

Проснулась мать:

- Миловались, что ли?
- Да, мама.
- А где Ведана?
- По нужде осталась, омоется в реке и придет.
- Пошто ты ее одну оставил?
- Так пожелала.

– Ну, ушел бы с берега и встал за городьбой.

– Э-э, мама, что с ней будет, мы же рядом.

– Ладно, дело ваше.

Мать снова легла. Довольный Вавула растянулся на лежанке у печи и... тоже уснул.

Ведана вошла в кусты ровно в тот момент, когда к берегу подошли Джабу с Добаком.

Сын тархана успел заметить, как нагая женщина шмыгнула сквозь листву, потянул товарища к городьбе.

– Там девка, в кусты пошла.

– Неужели кто-то ночью купаться вышел? Тогда худо, Джабу, тогда Вавула и Ведана другое место искать пойдут.

– Но она голая, одна на берегу. Девицу так не пустят, да и замужнюю тоже. С замужней мужик бы пошел, а та – одна, а может, мужик где поблизости?

Добак, как собака, повел носом, прислушался:

– Да нет, вроде одна она, там еще шевеление и запах. Поглядим, что делать будет.

Сын тархана поник:

– Делать мне боле нечего.

И едва не подпрыгнул от радости, когда увидел Ведану, вышедшую из кустов. Ее нагота тут же возбудила в хазарине жгучее желание. Он едва не бросился к ней. Удержал Добак.

– Не спеши, Джабу, Вавула не отпустил бы ее одну на реку.

– И где он?

– А шайтан знает.

Ведана между тем прошла мимо одежды, оглянулась, зашла в воду, присела, стала мыться.

– Да она моется, Джабу, – шепнул Добак.

– И чего? Все женщины полян моются.

– Чую, они уже помиловались с Вавулой. Никак Ведана отправила его домой.

– Он бы не ушел.

– Значит, нашла, как отправить. Как выйдет из реки, надо действовать. Лучшего случая не представится. А объявится Вавула, так я не дам ему поднять шум, вдарю дубиной по башке и свалю. Доставай мешок, веревки, кляп. Начнем, как только Ведана оденется и будет волосы расчесывать. Полянки всегда так делают.

– Давай, Аваз.

Сын тархана приготовил мешок, Аваз взял дубину.

Ведана вышла из реки, надела холщовую рубаху, достала гребень, начала расчесывать длинные густые волосы.

Рядом с ней никого не было. Аваз заглянул за плетень, проговорил:

– Никого.

– Вавула бросил молодую невесту? Считай, жену?

– Получил свое, и на лежанку. Нападем сзади, главное не дать ей крикнуть.

Хазары умели передвигаться бесшумно. Налетели на Ведану, как коршуны, без шума. Она вздрогнула, когда тяжелая, пропахшая дымом рука закрыла ей рот. Дернулась, но кто-то неведомый держал ее крепко. От незнакомца воняло, как от стада баранов. «Хазары!» – мелькнуло в голове.

Ведана собрала все силы и ударила пяткой по голени Джабу. Тот еле сдержался, чтобы не закричать, но отпустил добычу. И все пропало бы, если не предусмотрительность Добака. Тот, поняв, что Ведана сейчас закричит, ударил ее дубиной по голове. Молодуха рухнула на песок. По щеке потекла кровь.

– Не убил ты ее? – корчась от боли, спросил Джабу.

- Нет. Кожу на голове повредил, оттого и кровь. С тобой что?
- Ударила по ноге. Больно.
- Не время ныть. Вязать ее надо и уходить.

Превозмогая боль, Джабу стал помогать Добаку.

Тот действовал скоро и умело. Первым делом проверил, жива ли Ведана, дышит ли, затем затолкал ей в рот кляп и тут же стянул руки и ноги ремнями. Перевернул, оттащил от ворот.

- Хватит! – забеспокоился сын тархана.

Ведану подняли, она пришла в себя. Хотела закричать, но – кляп во рту, не отбиться – связана крепко. Внутри все оборвалось. И зачем отправила домой Вавулу? Он бы защитил.

Ее забросили на коня, которого подвел Джабу. Миновали овраг, отделявший владения родов Дедилы и Кобяка, вскочили на коней и двинулись к лагерю.

Пленницу втащили в шатер. Большыч усмехнулся:

- Удалось?
- Как видишь, – ответил Джабу.
- А почему кровь?
- Успокоили слегка, а то улизнула бы.

Тархан Ильдуан, усыпленный зельем помощника, храпел на весь шатер.

Авартук спросил:

- А чего с Вавулой?
- Ничего, – ответил Джабу, – Ведана одна была на берегу. Мылась. Как одеваться стала, мы ее и схватили.

- Одна? – удивился помощник тархана. – Странно.
- Мы сами оторопели от такого подарка.
- А он следом не шел?
- Не-е, – проговорил Добак, – я бы учуял.
- Ну что ж, пора отца будить.

Джабу глянул на лежанку, где спал Ильдуан, усмехнулся:

- А получится ли?
- Получится.

Большыч достал из сумы маленький мешочек из мягкой кожи, выбил пробку, сунул к носу спящего.

Тот сразу проснулся:

- А? Чего?
- Вставай, господин. Сын тебе подарок привез.
- Какой подарок? – ничего не понимал тархан.
- Щас увидишь.

Помощник зажег фитиль в плошке. В шатре просветлело.

Ильдуан увидел связанную девушку, тут же вскочил:

- Кто это?
- Ведана, – проговорил Джабу, опустив голову, – прости, отец, не смог удержаться, украл.
- Тархан сел на лежанку.
- Вот, значит, как. А ну, рассказывай, как украл?

Джабу все рассказал.

Выслушав сына, Янур Ильдуан покачал головой:

- Почему без моего разрешения?
- Так ты же обещал...

Тархан взревел:

- Что обещал?! Красть обещал?!

За Джабу вступился помощник:

– Янур, зачем кричать? Сын поступил, как настоящий воин, понравилась красавица – взял ее.

– Эх, Джабу, Джабу, не будь ты моим сыном...

Он начал одеваться, наказывая помощнику:

– Всех поднять, уходим в лес к главному стану, быстро!

– Слушаюсь!

Авартук и Аваз выскочили из шатра.

– А с тобой, – проговорил тархан Джабу, – я еще поговорю. Девку держать связанной до лагеря. Собирайся, чего смотришь?

– Да я готов!

– Тогда ее, – Ильдуан указал на Ведану, – в повозку на сумы, сам рядом, возницей. Пойдешь первым, мы за тобой. Дорогу помнишь?

– Конечно, отец. Спросить дозволю?

– Чего тебе еще?

– В стане позволишь овладеть ею?

– Может, тебе еще и постель нагреть?

– Но, отец!

– Делай, что сказано. Поляне очухаются, придут сюда с топорами да дубинами.

– Не посмеют, старейшины не допустят.

– В горячке можно что хочешь наделать, и никто не остановит. Тащи свою наложницу в повозку.

Джабу поднял легкую Ведану и понес к повозке. Лагерь уже проснулся, воины подвели коней, цепляли к ним сумы с провизией, крепили к поясам сабли, топоры. Лучники проверяли колчаны.

Отряд двинулся по полевой дороге к лесу, в то время когда Веданы еще не хватились в Рубино.

Вавула проснулся неожиданно. Во сне протянул руку, чтобы обнять суженую, а там – пустое место. Вскочил. Проснулись отец и мать.

– Ты чего? – спросил отец.

– Ведана.

– Что Ведана?

– Ее нет.

– Так ты же...

Вавула был уже на ногах. Распахнул дверь, выскочил на улицу, побежал к реке. Ворота открыты, на песке следы борьбы, капли крови.

– О, боги! – поднял он вверх руки. – За что?

Рядом появился отец.

– Что было-то, можешь сказать?

– Ведану украли.

– Говори, как было, только быстро.

Вавула рассказал, как миловались они на берегу, как Ведана осталась одна, в общем, все до того, как он вернулся домой.

Дедил воскликнул:

– И ты оставил ее?

– Она же сама попросила.

– Какой мужик слушает женщину? Жениться он надумал! Ну что, женился? Где невеста-то?

Вавула взглянул на старейшину:

– Надо людей подымать, отец. Тархан Ильдуан обманул нас. Он с отрядом за рощей. Мы перекроем ему дорогу...

Старейшина прервал взволнованную речь сына:

– Никому ты ничего уже не перекроешь. Когда выходили с Веданой на реку?

– Около полуночи, может, ране.

– А сейчас уже светлеет. Если хазары похитили Ведану, они уже в лесу или по пути к нему. Если только люди Кобяка... но ему того не надо, да и не пойдут мужики из Вабежи похищать в обрат девицу. То не можно по обычаю.

– И что делать?

– Давай-ка пройдем по следу, по берегу они уходили.

У воды определились. Дедил сказал:

– Двое коней было, один оставил следы глубже, значит, нес на себе поклажу.

– Ведану! Пойдем далее, отец. Давай возьмем с собой кого-нибудь?

– Кого?

– Сидора Ковалья. Он охотник знатный, мастер выслеживать зверя. И здоровый бугай, троих завалит.

– То ведаю. Зови, только быстро, и идите по берегу, а я пойду в сторону Вабежи, догоняйте.

– Ага! Ох, чего ж я наделал!

Вавула скрылся в воротах.

Вскоре вернулся с товарищем своим, здоровенным детиной Сидором Ковалем. На ходу объяснил ему, что к чему. Коваль возмутился:

– Бить надо хазар этих, давно отцу твоему молвил, дожждаться, когда за данью придут, да набить им морды.

– Вот следы, идем по ним.

Они быстро догнали Дедила, тот кружил у затона.

Вперед вышел Коваль. Нашел след, пошли далее. Прошли мимо Вабежи.

Близился рассвет. Их облаяли собаки, но за городьбу не вышли, не их территория.

– Досюда, – сказал Коваль, – хазары вели коней за поводья, тут оседлали и пошли верхом. Добрались до рощи, перейдя овраг. Увидели брошенные шалаши, множество следов.

– Ушли, – выдохнул Дедил, – да и чего еще было ждать?

Коваль кивнул:

– Ушли, даже шалаши жечь не стали, дабы не показать себя. А пошли они... – Он прошел к южной части вытопанной поляны, – по дороге к лесу. У них повозка, вот следы. Щас хазары уже в лесу.

– Что делать будем, отец? – с мольбой посмотрел на Дедила сын.

– А чего сделаешь? Ты умыкнул девку из Вабежи, хазары умыкнули у тебя. Себя и вини, что не сберег суженую.

– Но может, догнать отряд можно?

– И попасть под их сабли? Нет, придется забыть тебе о Ведане, ее уже не вернуть. У меня другая забота, как обо всем отцу ее, Кобяке, поведать. Такое у нас впервой. Да, сын, заварил ты кашу.

За друга вступился Коваль:

– На месте Вавулы мог быть любой другой. Он тут ни при чем. Эти собаки нечистые, хазары, своего не упустят. Видать, кому-то приглянулась ваша Ведана.

Дедил распорядился:

– Едем в Вабежу.

На Вавулу страшно было смотреть. Злой, нервный и беспомощный. Ему бы в стан хазар за суженой своей, а тут к отцу ее ехать, выслушивать речи гневные. Но отец наказал, надо исполнять.

Дедил с сыном и Ковалем проехали в Вабежу.

Люди на селе уже проснулись. Знали об уходе хазар, спокойно выгоняли скот на пастбища, шли в поле, садились за ремесло. Жены сновали по хозяйству. Разбуженная детвора вертелась возле матерей. Село начинало обычный день.

Старейшину соседнего села с сыном пропустили, но вслед смотрели неприветливо. Они подъехали к подворью Кобяка, когда тот выходил во двор.

– Дедил? Чего с ранья, я же сказал, как определюсь с выкупом, встретимся, чего щас приехал? Или порешил отдать овраг?

Старейшина Рубино вздохнул:

– Беда у нас, Веденей.

– Беда?

Он указал на лавку возле дома:

– Садись, рассказывай, что за беда?

Дедил присел, с ним рядом опустился Кобяк. Вавула с Сидором остались у ворот.

– Чего Вавула тут? – спросил Кобяк. – Или надоела молодка?

– Нет ее боле в нашем селе.

Кобяк изменился в лице:

– Что значит – нет? Ты о чем говоришь, Дедил?

– Ночью хазары украли Ведану.

– Чего?

Кобяк подскочил с места. Как только он не корил Дедила, тот только слушал молча. Выговорившись, Кобяк обреченно плюхнулся на лавку.

– Я прибью твоего сына, Дедил.

– И чего? Он сам не свой.

– Верни мне дочь.

– Перестань, Веденей. Сам разумеешь, не можно.

– Узнают люди на селе, худо всем в Рубино придется.

– Разве нам сейчас время враждовать?

– А коли не желаешь вражды, верни дочь. К себе, в общий дом, сюда – куда хочешь, но верни.

Вышла жена Кобяка. Узнав о похищении Веданы, заголосила. На ее вопли стал собираться народ.

Кобяк отправил жену в дом, людей разогнал.

– Не след им ничего знать.

– Все одно прознают.

Дедил вздохнул:

– Придется смириться с потерей, Веденей. У хазар Ведану не отнять.

– Убил ты мою дочь, Дедил. Сын твой убил.

– Что мне, на жертвенный огонь его отправить?

– А хоть бы и так, чтобы боги приняли жертву, помогли Ведане жить на чужбине.

– Это не выход.

– Предлагай свой, послушаю.

– Не ведаю, что сказать. Не вижу выхода.

Кобяк сжал голову руками:

– Ведана, Ведана, и пошто ты полюбила Вавулу?

– Какая разница, Веденей, кто ей полюбился. Хазары положили на нее глаз, а значит, умыкнули бы отовсюду. Они в этом деле ушлые.

Кобяк пошел к дому. У двери обернулся:

– Уходи, Дедил, не желаю тебя видеть. А Вавулу... смотри за ним, а то как бы ненароком не потонул в реке.

Пришлось рубинцам возвращаться ни с чем.

Народ уже прознал о несчастье, загалдел. Дедил проехал мимо.

А вот Коваль потащил друга к своей землянке.

– Чего, Сидор?

– Мыслишка одна есть, Вавула.

– Говори.

– Не тут, в землянке, подальше от чужих ушей.

– Так на селе все свои.

– Идем.

Они остановили коней у столба, врытого возле землянки Ковалья. Присели на лаву. Сидор налил в чаши кваса забродившего.

– Садись рядом, Вавула, да слушай, что скажу.

Говорил Коваль недолго.

Выслушав его, Вавула словно ожил, словно вдруг вдохнули в него жизнь.

– Мыслишь, такое возможно?

– Иначе не стал бы предлагать. Делаем?

– Конечно, делаем. Тока вдвоем сможем ли?

– Вдвоем тока и сможем. Сейчас иди к себе. Как стемнеет, приходи на реку, где хазары

Ведану схватили.

– Коли все получится, жизнью тебе буду обязан.

– Жизнь тебе еще пригодится. Коли все удастся, она, жизнь-то, переменится. И не тока у тебя с Веданой, а и у всех наших. Да и давно пора то сделать. Нет ничего хуже терпеть обиды да унижения. Мы свободные люди, а свобода дорого стоит. Ступай, друг, буду ждать вечером у реки.

Вавула направился к себе, приняв прежний вид – растерянный и грустный.

Глава третья

В доме Дедила царило мрачное настроение. Заруба гневался на всех. Дети и жена старались не попадаться ему на глаза.

Когда вернулся Вавула, Дедил накинулся на него:

– И что теперь делать? Ты понимаешь, что теперь вражда между нашим родом и родом Кобяка усилится? До свары большой дело может дойти.

– Понимаю, отец.

– Понимает он, – Дедил сел на лавку.

– Как исправляться-то? И Кобяка понять можно, все же любимая дочь.

– Как будто такое впервой? – проговорил Вавула. – Вон из других селений хазары только девицами дань берут, десятками уводят в Хазарию свою.

– Нам этого еще не хватало. Помолчи, а то накличешь беду.

Вечером, когда все собрались в доме, Вавула забрал нож, надел старую рубаху и штаны, перемотал онучи.

Дедил подозрительно посмотрел на него:

– И куда ты собрался?

– Пойду на реку. Пройдусь.

– И что задумал?

– А чего я могу задумать, отец? Пройдусь, и все, вы меня не ждите, спать ложитесь. Я-то все одно не усну, посижу на берегу.

– Нет, Вавула, ты что-то задумал.

Сын взглянул на отца:

– Я уже не дитя, чтобы смотреть за мной, сам знаю, что делать.

Дедил взорвался:

– Что ж не знал, когда Ведану одну оставил?

– Не бреди душу, отец.

Вавула вышел к реке. Огляделся. За ним никто не пошел. Увидел на углу городьбы фигуру. Махнул рукой. Оттуда ответный взмах.

– Я уже мыслил, не придешь, – сказал Коваль.

Одет он был в легкие штаны и рубаху, подпоясанную широким поясом, за поясом нож, в руках топор.

– Как я мог не прийти? А зачем топор-то взял?

– Да мало ли? Пригодится.

– Нам бы только выкрасть Ведану, более ничего. Свара с хазарами нам не нужна.

– Кто знает, Вавула, как дело пойдет.

– Где кони?

– Рядом.

– Что на селе?

– Как и должно быть – тихо. Идем.

Кони стояли у одинокой старой березы с мешками на головах. Вавула спросил:

– У табуна тебя никто не видел?

– Если бы видел, я бы не привел коней.

– Твоя правда.

Они отвязали коней и повели их в обход села, к лесу. За селом сняли мешки, вскочили верхом и поскакали к месту, где в праздник гуляли жители Вабежи. Дождя не было, следы остались. По ним и двинулись. Коваль иногда спрыгивал с коня, смотрел землю. Говорил: «Есть следы», запрыгивал обратно, и они продолжали путь. Ночь вступала в свои права.

Возле старых сосен Коваль остановился. Отсюда был слышен запах дыма.

- Лагерь хазар близко.
- Ну да, тут же елань большая.
- Далее пешком пойдём.

Они соскочили на землю, привязали коней к деревьям, надели им на морды мешки. Пошли лесом. Скоро вышли к елани, увидели на дальней стороне у болота большой шатер, рядом еще один, поменьше, по краям елани юрты, посредине табун, более десятка шалашей. Догорали костры в ямах, на срубленном дереве сидел хазарин и держал между ног саблю.

- Гляди, Сидор, – указал на него Вавула, – стража.
- Пустое. Ветер на нас. Треба бы проведать, где Ведана.
- В одном из шатров.
- То понятно, но – в каком?

– Большой наверняка самого тархана. Он при себе держать Ведану не будет, у него наложницы есть. Значит, в малом она, с сыном его и помощником.

- А если он, этот хазарин проклятый, уже надругался над ней?

Коваль вздохнул:

– Мог. Хотя гляди на кострища, они еще затухают, в шалашах и юртах только укладываются, то заметно. Видать, недавно жрали мясо. Не время насильничать. Сейчас время, но кругом тихо, а Ведана сопротивлялась бы, кричала. И шевеление было бы. А ничего нет.

- Если сын тархана надругался над Веданой – убью.

– Его или ее?

– Его, ее-то за что?

– Правильно. Обходим стан, заходим с болота.

– Но тогда нас учует хазарин-сторож. Ветер-то с той стороны.

– Не учует, часто хворост в костер подкладывает, дыма много, сквозь дым не учует. Да и ветерок на середине елани гуляет кругом.

- Ладно, идем.

Друзья обошли елань. Они знали об этой поляне, охотились здесь, поэтому пробирались уверенно даже во тьме. А главное – бесшумно. Угрожающе крикнул в ночи сыч, ухнул филин, мужики встали. Сторож вытер слезящиеся от дыма глаза, посмотрел по сторонам. Кони спокойны, значит, крупного зверя нет. А от птиц, даже хищных, вреда не будет.

Мужики продолжили путь.

На юге обошли елань по лесному участку между поляной и болотом шириной саженой в десять. Как раз хватало скрытно пройти. Домогались мошкара и комары, но что это по сравнению с хазарами? Да и привыкли местные к мошкаре. Вовсю стрекотали кузнечики. Те вообще безобидны. Пройдет время, умолкнут. Гнуса возле болота больше, чем в поле, но мошкара и комарье, это не шершни, слепни или оводы – те днем достанут, ночью не видать. Впрочем, вся эта орда насекомых не особо волновала друзей, сейчас их беспокоило другое: как без ошибки определить, где находится Ведана.

Пройдя участком от болота до елани, Вавула и Коваль залегли у куста недалеко от большого шатра. Оттуда слышались голоса, среди них – один молодой. Коваль взглянул на Вавулу:

- Никак отец и сын в большом шатре.

– Там еще кто-то.

– Помощник тархана. Значит, чего? Надо слушать малый шатер, ползем к нему.

Подползли. Внутри тишина, и вдруг – голос женский:

– Ты, полянка, смирной будь. Джабу не надо злить, злой Джабу убить может. Терпи, привыкнешь.

- Я не хочу.

– А кто у тебя спросит, чего ты хочешь? Теперь ты раба, будешь делать все, что повелит хозяин. Уже сегодня.

Хазарка засмеялась каркающим смехом.

– Слыхал? – встрепенулся Вавула.

– Слыхал. Ведана тут, к ней приставлена женщина, сын тархана может прийти в любой момент. Надо вытаскивать Ведану немедленно.

– Чего с хазаркой делать станем?

– Там видно будет.

Достали ножи. Вавула сказал:

– Я режу шкуру, ты бросаешься внутрь...

Коваль вздохнул:

– Да знаю я, главное, чтобы хазарка не крикнула.

– Тогда вперед!

Друзья подползли к шатру.

Вавула достал нож, проткнул полог, рванул лезвие вниз, шкура поддалась. Коваль отодвинул Вавулу и через широкий порез ворвался в шатер. Хазарка, увидев его, открыла рот от изумления. И не успела поднять шум. Коваль ударом кулака лишил ее сознания.

Шатер освещали две площадки. Свет неяркий, но все видно. Ведана, связанная, сидела в самом углу на куче подушек.

– Ты кто?

– Леший, – усмехнулся Коваль.

Ведана испугалась:

– Зачем пришел? Не хочу в лес.

– А со мной пойдешь? – спросил зашедший следом за Ковалем сын Дедила.

– Вавула, ты?

– Я, родная, а это, – он указал на Ковалья, – мой друг из нашего села. Бежать надо, Ведана, а то Джабу скоро придет.

– Я хоть щас.

Коваль меж тем раздвинул полы шатра, осмотрел поляну. Хазарин-сторож залег у костра и смотрел в противоположную сторону.

– Идем чрез прорезь, – решил Коваль.

– А хазарка не очнется?

– Не скоро.

Выползли из шатра, и сразу в кусты, к болоту, потом бегом вокруг елани, к коням.

Коваль проговорил:

– Не догадались третьего взять.

– Ничего, Сидор, мы с Веданой на одном. Мой конь крепкий, двоих вынесет.

– Ну так скачем отсюда, покуда хазары не хватились.

Они вскочили на коней. Вавула только слегка помог суженой. Женщины, как и мужики в их селе, управлялись с конями свободно.

Вот только разогнаться они не могли. Тропа, что выбрали, была узкая, ветки деревьев хлестали по лицу.

Вавула спросил:

– И зачем ты этот путь выбрал, Сидор, почему не дорогу?

– А если вдогонку пойдут? Так по своей тропе и пойдут. А мы тут.

– Мыслишь, погоня будет?

– Ну разве что тархан не позволит.

Джабу вышел из большого шатра отца в предвкушении желанной близости с молодой полянкой. Направился к своему шатру. Обычно он находился там с большчцы, но сегодня тот, все понимая, остался с отцом.

Юноша откинул полог и замер в оцепенении. Внутри на кошме валялась оглушенная служанка. Наложницы не было. Джабу тряхнул головой – не наваждение ли? Нет! Присмотревшись, заметил порезанную сзади шкуру и все понял.

– Ах ты пес! Пришел-таки за девкой!

Он выскочил из шатра. Метнувшись влево-вправо, кликнул сторожа:

– Тарак!

Тот вскочил на ноги:

– Я, господин!

– Спал, шакал?

– Нет, что ты?

– Наложницу украли. Поляне. Ты видел их?

– Никого не было, господин.

– Кто же, по-твоему, украл девку?

– Так не было никого, я все время тут...

Джабу прервал охранника:

– Получишь у меня кнута. Буди быстро Аваза и Расиха. Пусть берут оружие, коней и – сюда. Моего коня сам приведи.

– Слушаюсь!

Из большого шатра вышел Янур Ильдуан.

– Что за шум, сын?

– Поляне, отец!

– Что поляне?

– Украли Ведану.

Тархан неожиданно рассмеялся:

– Ловкие мужики, хвалы достойны.

– Ты смеешься?

– Не велика потеря.

Из малого шатра высунулась хазарка.

Джабу набросился на нее:

– Как украли наложницу?

– Он, господин, один был, сквозь шатер прошел, ударил меня сильно. Я еле очнулась.

– Почему не крикнула, старая ослица?

– Не успела, хозяин.

Подшли Аваз и Расих с конями в поводу, при оружии – саблях, Тарак подвел коня Джабу.

Тархан нахмурился:

– Ты чего удумал, сын?

– Как чего, отец? Поляне украли мою добычу, а я прощу?

– И куда поведешь свое войско?

– Вдогонку, куда еще?

– А если сюда полян с десяток пришло? В сшибке прибьют тебя.

– Так дай еще людей!

– Не спеши. Никуда не денется твоя наложница. Да и не нужна она тебе, четверо девок есть, выбирай любую, не люби – других возьмем. Я запрещаю тебе уходить из лагеря.

– Прости, отец! Но сейчас я не послушаю тебя. Аваз, Расих, за мной!

Не успел тархан остановить сына. Увел он двух воинов на тропу, что вела к реке. Ильдуан сплюнул на землю:

– Ну ты узнаешь, как не слушать отца.

За Джабу вступился большччы:

– Не гневись на него, Янур. Джабу – воин, достойный наследник твой. Накажешь потом по-своему, по-отечески.

– Ладно, заступник. Пошли за ним еще пятерых воинов.

– Это дело. Слушаюсь.

Тархан вернулся в шатер. Помощник наказал поднять десятника Перзана. Большччы объяснил ему, что произошло:

– Ты опытный воин, Перзан, следы полян и особенно сына Тархана с нашими воинами найти сумеешь. По дороге они вряд ли пошли, но – посмотришь. Тебе надо догнать Джабу и помочь ему отбить наложницу. Полян, коли не пожелают отдать ее сами, взять в полон. Ты понял меня?

– Да, господин Авартук.

– Вперед.

Перзан поднял пятерых хазар. Те, вооружившись, забрали из табуна коней, и вскоре небольшой отряд двинулся к опушке. Там Перзан спешился, начал шарить по кустам и прогалинам. Наконец нашел следы.

– Лесом поляне пошли, тропой звериной. Девка на коне с одним, другой идет следом.

Один из воинов спросил:

– А следы Джабу?

– Они на дороге, чуть дальше, выходят на ту же тропу. С сыном тархана пошел его товарищ Аваз Добак, он известный следопыт. Так что Джабу след взял и скоро догонит беглецов. Нам надо поспешить, чтобы подойти к ним вовремя. А то начнется сшибка, неизвестно, кого одолеет. Мы не знаем, что за бойцы, эти поляне. Так что – за мной, оружие к бою!

Хазары вытащили сабли, пришпорили коней и быстрым шагом, более разогнаться возможности не было, пошли лесом по звериной тропе.

Вавула с Веданой и Коваль уходили медленно. Хоть и мала весом молодуха – все же ноша, конь Вавулы, как ни старался пойти вскачь, то и дело сбивался на шаг. Шедший сзади них Коваль все время торопил:

– Да не жалея ты, Вавула, коня, Ведану хватятся быстро. Выйдут на тропу. Мы не успеем дойти до села. А в лесу сшибаться с хазарами несподручно. Лучше в поле.

– Я не жалею, да не идет конь быстрее.

Прошли пару верст. Тропа расширилась до продолговатой и длинной елани. И тогда Коваль стал. Ветер усилился и дул в спину. Сидор почуял запах пота и дыма и грязи.

– За нами погоня, – объявил он.

Ведана вскрикнула. Вавула обернулся:

– Да, запах слышен. Чего делать будем, Сидор? Уйдем к болоту?

– Не-е, следы наши видны. Хазары пройдут следом и зажмут нас у болота.

– Но и оставаться мы не можем.

Коваль задорно вскинул топор:

– Что ж, значит сшибку устроим. Покажем хазарам, что и мы в воинском деле кое-что умеем.

– А если их много? – спросил Вавула.

– Ты ж, Вавула, воин. Было бы много, мы бы слышали не только запах. Поглядим. Далее идти не след, тут место для сшибки больно пригодное. Прячь Ведану в кустах, и пошли. Встанем спина к спине и будем биться.

– Угу.

Вавула помог Ведане соскочить с коня, завел в заросли.

– Сиди здесь и не высовывайся.

– Как же вы будете биться с хазарами, ведь не ведаете, сколько их? – спросила она испуганно.

– А как по-другому-то? Сиди и молись.

Он вышел к товарищу, по пути сломал молодое дерево, из которого быстро соорудил кол.

Сидор сидел на коне, поигрывая топором:

– Да, Вавула, воин из тебя что надо, с колом против сабли?

– А ничего, сабля короткая, а кол длинный, перебить его, конечно, можно, но до того еще дотянуться треба.

– Знаешь, – вскинул голову Сидор, – отойди-ка ты в кусты. Я один встречу погоню, а ты подмогнешь, ежели что, – ударишь им сзади.

– Ладно. Только как ты один справишься?

– Как-нибудь.

Вавула съехал с тропы, затаился за молодыми березами.

Из-за изгиба выскочили три всадника. И тут же один из них закричал:

– Тут они! Вон один на тропе стоит.

Это кричал Аваз.

Хазары выхватили сабли и ринулись на Ковалья.

А Сидор неожиданно для нападавших рванулся на них. Такого хазары не ожидали. Одному атаковать троих? Это внесло сумятицу. Хазарам пришлось натягивать поводья. А тут мимо пронесся Коваль. Взмах руки, блеск клинка, и голова Расиха покатила по траве. Конь встал на дыбы, заржал и ринулся в сторону, задев коня Аваза. На мгновение Добак потерял равновесие, сабля повисла на ремешке. А Коваль уже рядом. Но сбить опытного воина он не смог, лишь подранил его в бок. Конь Аваза шарахнулся к березам.

Коваль крикнул:

– Вавула, бей!

Тот оказался сбоку от хазарина и нанес ему такой удар колом, что расколол Авазу шлем.

– Саблю хватай! – крикнул Коваль и сам едва увернулся от удара Джабу.

Хазарин развернулся, и быть бы Ковалю заколотым, но помог Вавула – отвлек на себя сына тархана. Между ними завязался сабельный бой. Вавула владел саблей хуже кочевника, Джабу теснил его. Ловким ударом хазарин выбил клинок из рук Вавулы и крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.